© **2005** г. *В.В. Липич, Т.И. Липич*

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ РОМАНТИЗМА

Отечественное литератзфоведение накопило немало глубоких, фундаментальных исследований, посвященных изучению проблем русского и зарубежного романтизма. Исчерпала ли себя сегодня эта широкомасштабная и многоаспектная тема?

Устойчивый исследовательский интерес филологической науки последних лет к теоретическим и методологическим вопросам романтизма окончательно развеял иллюзию их исчерпывающей завершенности, предметной уясненности и дал веские основания полагать, что эта историко-литературная, философская, культурологическая проблема до сих пор не утратила своей актуальности и не вышла из активного контекста назшного обсуждения. Более того, сейчас она еще острее требует своего дальнейшего осмысления и переосмысления как в культурно-эстетической целостности романтизма, так и в его локально-национальных проявлениях, индивидуально преломленных в творчестве отдельных представителей общеевропейского романтического движения.

Художественная (родовая, типологическая) сущность романтизма продолжает оставаться предметом перманентно возникающих на страницах литератзфоведческой периодики полемически заостренных дискуссий (некоторые зшеные, скажем, А.В. Михайлов склонны считать, что романтизм «вообще лишен собственной сущности») [1, с. 34]. Различным аспектам иззшения романтизма посвящены и выходящие отдельными изданиями специальные монографические работы. Примечателен и тот факт, что в последнее время интерес современной западной русистики к насущным проблемам русской литературы XIX в., к ее глобальным историко-теоретическим вопросам, к творчеству отдельных русских поэтов и писателей также значительно активизировался, превращаясь в самостоятельную, постепенно укрепляющую свои позиции отрасль евро американской славистики. В этом нас наглядно убеждают вышедшие на Западе серьезные исследования, посвященные как общим теоретико-методологическим аспектам русского и европейского романтического движения, так и анализу художественного наследия индивидуальных творческих персоналий (Пушкина, Лермонтова, Баратынского, Тютчева и др.), а также многочисленные переводы и издания их произведений.

В разноплановом (по жанру, принпцпу селекционного отбора тем, пшроте исследовательского диапазона, глубине и мастерству аналитического подхода к анализируемым проблемам, зфовню концептуальной состоятельности и степени методологической убедительности по отношению к выдвигаемым гипотезам и т.п.) корпусе публикаций содержится немало тонких наблюдений, вдумчивых интерпретаций и оригинальных авторских находок, отличающихся независимой научной весомостью. Отрадно констатировать при этом, что в разноречивых работах последних лет наблюдается все более решительный отказ большинства авторов от устаревших схематических представлений о судьбах русского романтического движения, на протяжении длительного времени бытовавших в науке. Литератзфоведы все чаще приходят к выводу, что любая аналитически безукоризненная схема, опирающаяся на систематически формализованный понятийный аппарат логики и априорно запрограммированная на логический алгоритм, упрощает сам процесс, даже та, которая рождена искренним стремлением зшеного к антисхематизму.

Исследователи романтизма - и отечественного, и зарубежного - в попытках «ухватить» и расшифровать его суть выработали, в общей сложности, уже более трех десятков различных определений романтизма, каждое из которых располагает своей относительно убедительной доказательной базой, оперирующей своими аргументами-кршериями. И это не предел. За ним легко угадывается дальнейшая перспектива, не имеющая своего окончания.

Многоголосый полифонизм исследовательских мнений, «профессиональная пестрота» и разнобой в интерпретациях неизбежны, тем более, если речь идет о точках зрения, принадлежащих ученым различных стран и эпох. Едва ли возможна такая исчерпывающая характеристика романтизма, которая не вызвала бы возражений и споров. Некоторые авторы вполне сознательно стараются избегать каких бы то ни было обобщающих его определений, так как любая «итоговая» характеристика романтизма заведомо обречена на полемику и способна спровоцировать очередную профессиональную дискуссию. Корни разногласий глубоки и неоднозначны. «Как бы мы ни стремились к возможно полной и точной формулировке романтизма, - авторитетно отмечает К.Н. Григорьян, - наше определение всегда будет неполным и неточным, поскольку оно базируется на общих, типологических признаках. При этом однозначно выпадут, останутся вне исследовательского поля зрения признаки частные (временные, национальные, индивидуальные), но не менее важные и существенные» [2, с. 136-137], т.е. наша, казалось бы, скрупулезно выверенная формулировка в лю-

бом случае окажется беднее реального явления, не исчерпывающегося собой и предполагающего скрытые в нем резервы и прингщпы, а терминологическое понятие «определение» (как конечная субстанция научных поисков, желанный результат исследовательских усилий, своеобразный «момент истины») приобретет обратный смысл: обнаружит не конечный предел, а новую беспредельность и перспективу дальнейгпих напряженных изысканий. «Подобные «неувязки», - справедливо констатирует О. Вайнгптейн, - не только обозначают пределы действенности нагпих концепций романтизма, но и побуждают к поискам конкретных, исторически сбалансированных толкований отдельных «странных» фактов и далее - к формированию спокойного, непредвзятого видения эстетического процесса» [3, с. 7], т.е., как бы это методологически беспомощно и растерянно не прозвучало, с точки зрения современного уровня разработанности филологической науки, но, к сожалению, приходится признать, что сложность романтизма как полиморфного историко-культурологического явления оказывается пока выгпе возможностей этого метода. Трудности теоретического осмысления романтизма подстрекают говорить также и о том, что традиционные и привычные способы изз^ения романтизма бессильны объяснить предмет, они тонут в нем, не достигая границ и не касаясь дна, затрагивая только аспекты.

Ко всему сказанному следует добавить, что «подобные «неувязки», наглядно демонстрируя сложивгпееся неблагополучие в регпении этой проблемы, на нагл взгляд, еще острее обнажают матричность первопроблемы: что же такое романтизм?

Еще в 1825 г. А. С. Пуппсин, создавгпий к этому времени не одно романтическое произведение, писал П.А. Вяземскому: «Я заметил, что все (даже ты) имеют у нас самое темное понятие о романтизме» [4, с. 184]. Несмотря на то, что современное литературоведение заметно и достойно продвинулось в самых различных направлениях, нынегпнее состояние «старой» проблемы мало в чем изменилось - та же «туманность», «разброд и гпатание».

Мы не будем с ложной глубокомысленностью или отчаянным максимализмом порываться «объять необъятное», вьшодя безукоризненно универсальную, безапелляционно согласующуюся с истиной, формулу «домового». Всякая терминология обладает известной долей условности, и вряд ли возможно достичь всеобщего исследовательского единодугпия в употреблении такого «гипотетичного» и закодированного понятия, как романтизм, исключительно в единственном только смысле. В нагнем представлении романтизм по своему содержанию и форме является полиморфным, философски бездонным, исторически многомерным понятием: это и тип культурного сознания, эстетического мыгпления писателя, его система философского, социального, художественного мировоззрения в слове, образе, это и творческий метод как способ создания текстовых реалий, это и литератзфное направление, объединяющее под эгидой романтического метода многочисленную «плеяду творцов». Каждое из этих структурных слагаемых верно как относительно устоявгпаяся и наз^но опробированная литературоведческая частность, но ни одно них, взятое автономно, каким бы оно ни было важным и существенным, не может досконально и всеобъемлюще охарактеризовать романтизм. Только нерасторжимая совокупность их может дать некоторое приблизительное представление о сущности романтического мировидения.

До недавнего времени в отечественном литератзфоведении существовало два магистральных подхода к изз^нению романтизма - типологический (Л.И. Тимофеев, А.А. Гаджиев и др.) и исторический (А.Н. Соколов, Б.Г. Реизов и др.). В последние годы к двум имеющимся подходам пргйавился третий - гносеологический (Н.А. Гуляев, И.В. Картапюва и др.). Эти научные подходы равнодостойны и равнонеобходимы. Каждый из них по-своему помогает з^еным в регпении различных вопросов истории, теории, эстетики романтизма, и все они, безусловно, имеют право на существование. Но при этом исследователю, особенно начинающему, необходимо помнить о том, что в этой методологической палитре его может подстерегать опасность оказаться во власти методологического «абсолютизма», если он с опрометчивой ретивостью будет настаивать на исключительной вездесущности того или иного, используемого изолированно, наз^ного подхода. Романтизм же (во всех его художественных проявлениях) требует от ученых таких универсальных подходов и «адекватных» исследуемому материалу методов изз^ения, которые, с одной стороны, позволили бы увидеть узловые национально-специфические проблемы отечественного романтического движения, а с другой - помогли бы преодолеть искусственную, а главное, бесперспективную оппозиционность наз^-ных мнений.

В связи с этим, стремясь к тщательной взвегпенности и максимально возможной объективности, мы полагаем, что один из конструктивных исследовательских гпагов на пути регпения такой сложной задачи, а также частичного преодоления функционирующих в литературоведении «романтических» противоречий, должен находиться в плоскости методологической интеграции и паритетного сочетания трех научных подходов: типологического, исторического и гносеологического. Такая консолидированная методологическая «триада», нетривиально синтезирующая многие рациональные идеи, представляется нам целесообразной и наз^но продуктивной. Ее универсальность, в конечном итоге, подчинена одной цели - возможному преодолению методологической ограничен-

ности распространенных исследовательских практик, определенному разретпению еще далеко не проясненных, зачастую, односторонних положений и поспетпных выводов, взаимоисключающих концептщй, касающихся как общих теоретических вопросов романтизма, так и частных, сугубо индивидуальных граней романтической философии, эстетики, поэтики, реально воплотивгпихся в творческих системах отдельных представителей романтической эпохи, и подчеркивающих «лица необщее выражение» каждого из художников слова, с поправками на персональную писательскую судьбу, масгптабы творчества и таланта.

Литература

1. *Михайлов А.В.* Диалектика литератзфной эпохи. Переход от романтизма к реализму в литератзфах Европы. М., 1989.
2. *Григорьян К.Н.* К изучению романтизма // Русская литература. 1967. № 3.
3. *Вайнштейн О.Б.* Язык романтической мысли. М., 1994.
4. *Пушкин А. С.* Поли. собр. соч.: В XVII т. М., 1996. Т. XI, ХШ.